
Глава V
БОЛЬШАЯ ЛОГИКА

*Разум без рассудка ничто, а рассудок
и без разума нечто.*

Гегель

В Нюрнберге, на площади Диллингоф, рядом с церковью Эгидиенкирхе стоит старинное двухэтажное здание. Здесь помещается гимназия, основанная еще в 1526 году Меланхтоном. Это было первое в Германии среднее учебное заведение с гуманитарным уклоном.

С годами, с веками гимназия пришла в упадок. В начале девятнадцатого столетия в Нюрнберге существовали четыре школы, но ни одна из них не давала знаний, необходимых для поступления в университет. Нюрнберг был вольным имперским городом, то есть не входил ни в одно из государств, существовавших на немецкой земле. В августе 1806 года «Священная римская империя германской нации» перестала существовать; месяц спустя Бавария захватила город. Бавария выступала в качестве союзника Франции, во многих делах перенимая французские порядки. С 1803 года здесь существовало всеобщее шестилетнее образование. Для народных школ требовались учителя, и правительство обратило внимание на нюрнбергские учебные заведения. Их свели в единую гимназию, во главе которой встал Гегель.

Торжественное открытие обновленной гимназии состоялось 5 декабря 1808 года; Гегель принес присягу. Затем в течение недели шли экзамены; в три старших класса, составлявших гимназию в узком смысле слова, набралось только тридцать учеников (выпускной класс насчитывал восемь человек). Занятия начались 12 декабря. В соответствии с замыслом Нитхаммера, возглавлявшего в Баварии народное просвещение, школы были разбиты на два типа: классические с гуманитарным уклоном и реальные, готовившие к практической деятельности. Гегель был доволен, что стоит во главе классической гимназии, где нет «галиматьи вроде

технологии, экономики, ловли бабочек и т. д.». По его убеждению, основу школьного гуманитарного образования составляет изучение древних языков и литературы. Античная Греция — это та основа, на которой возвышается любая европейская культура, и хотя каждая из них приобрела черты самостоятельности, связь с породившей ее основой всегда остается. Как мифологический Антей набирает силы, соприкоснувшись с матерью-землей, так всякий новый расцвет искусства и науки необходимо связан с обращением к античности. «Тот, кто не был знаком с творениями древних, прожил, не ведая красоты» — в этом Гегель был твердо убежден. (Клеменс Brentano уверял, что Гегель, чтобы насладиться «Песней о Нибелунгах», переводил ее на греческий¹.)

О своей любви к античности Гегель говорил в речи, произнесенной по поводу завершения учебного года 29 сентября 1809 года. Занятия кончались осенью, и каждый раз после экзаменов устраивался праздник, в котором принимали участие не только гимназисты, но и их близкие. Это было общегородское торжество. Снимался большой нарядный зал. В центре широкой трибуны, окруженной лимонными деревьями, устанавливали «алтарь отечества» — бюст короля. Справа располагались чиновники комиссариата, слева — ректорат. Торжество начиналось декламацией старшеклассников. Затем ректор произносил речь, после чего раздавали награды; медали выпускникам вручал сам королевский комиссар. Хор пел патриотические песни.

На посту ректора гимназии Гегель пробыл восемь лет. За эти годы у него сложились твердые взгляды на задачи и методы школьного образования. Исходный пункт его педагогической системы — приобщение учащегося к духовному миру учителя. Ученики Пифагора, аргументировал Гегель, в течение первых четырех лет обязаны были молчать. Это означало, что они не имели права ни высказывать, ни даже иметь собственные мысли. Подобно воле, мысль должна начинаться с послушания.

Начинать, но не заканчиваться. Послушание не самоцель; задача образования сломить в ребенке своеволие, но воспитать волю; научить слушаться, чтобы затем мыслить и действовать самостоятельно для общего блага. Всякое воспитание направлено на то, чтобы не оставить индивид в сфере субъективности, объективировать его в государстве. А образцом слияния личного и государственного начала для Гегеля всегда была Древняя Греция. Вот почему изучение античной культуры он рассматривал в качестве главного средства школьного гуманитарного образования.

Обучение и воспитание тождественны, точнее, это различные стороны единой деятельности учителя. Как обучение нельзя свести к простому восприятию готовых истин (иначе это будет безрезультатное занятие, нечто вроде письма по воде), так и воспитание не должно ограничиваться лишь усвоением установленных правил поведения. Мысль и чувство, ум и сердце ученика следует направить на достижение главной цели — формирование духа для творческой самодетельности.

Самое страшное в школьном деле — дух формализма. Конечно, существуют формальные правила, за нарушения которых ученики подвергаются наказаниям. Но учитель по своему положению отличается и от судьи, выносящего приговор, и от частного лица, затаившего злобу на обидчика. С непослушным и наказанным учеником учитель продолжает находиться в доверительном контакте. На мелких промахах не следует долго задерживать внимание ребенка; делая замечание в таких случаях, по возможности сопровождать его шуткой. Важно пробудить в ученике веру в свои силы и чувство собственного достоинства. Учеников выпускного класса Гегель называл на «вы» и не просто по фамилии, а «господин такой-то».

Одному из любимых учеников Гегель поведал сокровенное — что заставляет его, не разгибая спины, сидеть за письменным столом, когда уже закончены школьные дела. «Не любопытство, не тщеславие, не соображения пользы, не долг и не добросовестность, а неистребимая, несчастная, ни с чем не сравнимая жажда влечет нас к истине». Признание сделано в альбоме Иоганна Хельда. Дата — 30 сентября 1809 года.

Гимназия оставляла больше времени для научных занятий, чем газета. Да и сам процесс обучения сливался иногда с ходом собственных мыслей. Гегелю приходилось вести уроки литературы, греческого, латинского, математики, но главная учебная нагрузка — философия и религия. Гимназистам импонировало, что их ректор — университетский профессор, известный ученый, автор знаменитой «Феноменологии». Все дивились его уму, разносторонности знаний, педагогическому мастерству.

Урок начинался с повторения пройденного. Гегель вызывал какого-нибудь ученика, с тем чтобы тот коротко воспроизвел содержание прошлого занятия. Затем диктовал параграфы новой темы, сопровождая их пояснениями, смысл которых ученики должны были записать самостоятельно. Для проверки Гегель тут же заставлял вслух прочитать записанное. После устранения ошибок текст переписывался на-

бело. В любой момент каждый мог задать вопрос, и Гегель терпеливо объяснял то, что было не понято.

Зачастую Гегель применял метод своеобразной индукции — наведения на истину путем вопросов. Возникал диалог:

Учитель: Что следует понимать под качеством вещи, например, дома?

Ученик: То, что он построен из камней, балок, цемента, снабжен дверьми и окнами.

Учитель: А для чего предназначено такое здание? Хранить урожай?

Ученик: Для проживания людей.

Учитель: Ну а если здание превратилось в развалину?

Ученик: Тогда это не дом.

Учитель: Почему?

Ученик: Потому что в нем нельзя жить.

Учитель: Какую же определенность следует понимать под качеством вещи?

Ученик: Ту, без которой она больше не является тем, что она есть?

Учитель: Скажи ту же мысль в утвердительном предложении.

Ученик: Ту, благодаря которой она есть то, что она есть.

Так Гегель приходит к формулировке своей будущей логики — качество есть определенность вещи, тождественная с ее бытием.

Философия преподавалась в трех старших классах. Гегель начинал с учения о праве, морали и религии. В среднем классе он знакомил с психологией и логикой. В старшем классе продолжалось изучение логики, а также давалось общее представление о философии природы и философии духа. Подготовительные записи Гегеля к этим занятиям были изданы посмертно под названием «Философская пропедевтика».

Согласно официальной инструкции со школьниками надлежало проводить лишь «практические занятия в спекулятивном мышлении»². Но Гегель считал, что это нонсенс: обсуждать в философском плане какой-нибудь конкретный предмет или какое-либо одно отношение действительности — это то же самое, что судить о музыкальной пьесе по партии одного инструмента. Теоретическое мышление требует системы, и Гегель пытался преподнести ее школьникам хотя бы в самом общем виде.

Впоследствии он убедится в бесполезности подобных занятий. Будучи профессором в Берлине, Гегель настаивает на исключении из школьных программ всех философских дис-

циplin, включая историю философии. Гимназия должна готовить к изучению философии, которое может успешно протекать лишь в университете. Школьников можно знакомить с формальными элементами мышления — начальной логикой, историей античной литературы и религией. Последнюю следует преподавать так, чтобы она не вступала в противоречие с разумом и не приучала к софистике.

Нюрнбергская гимназия считалась образцовой. К сожалению, это не отражалось на материальном положении ректора, которое оставляло желать лучшего. Гегель получал тысячу флоринов в год, то есть примерно на одну треть меньше того, что зарабатывал в Бамберге, а жизнь в Нюрнберге была значительно дороже. Не удивительно, что он не переставал докучать Нитхаммеру просьбами о переводе в университет. Эти просьбы стали настойчивее, когда в его личной жизни наметилась серьезная перемена.

* * *

Розенкранц назвал Гегеля «осенней натурой». Философ медленно созревал не только как ученый, но и как человек. Лишь на исходе четвертого десятка он почувствовал потребность в собственной семье. «Мне скоро исполнится сорок», — писал он Нитхаммеру, высказывая пожелание, чтобы «лучшая из женщин», то есть жена Нитхаммера, подыскала ему спутницу жизни: «Кому-нибудь другому в этом отношении я не доверяю и меньше всего самому себе»³.

Дело, однако, обошлось без посторонней помощи. Ее звали Мария фон Тухер. Происходила она из местной знати и была вдвое моложе Гегеля. В апреле 1811 года философ признался в любви и получил заверение во взаимности⁴.

Моя! — Так сердце восклицает.
В глазах твоих
Ответный взгляд любви сияет.
О радости, о счастья миг!
Люблю тебя! — Теперь сказать могу я.
Все, что давило грудь,
Так долго тайной радостью волнуя,
Пришло ко мне усладой всколыхнуть!
О, как бедны слова любовного восторга,
Как в сердце вянет речь,
Их сила страсти из груди исторгла,
Чтоб сразу же пресечь.
Тебе я, соловей, завидовал вначале,
Но после я узнал —
Природа создала язык печалей
Для выраженья горестей и зла!

Она не сотворила уст и слова,
Чтоб высказать любовь,
Зато дала любовникам основу
Прочнее всяких слов.
Она их знакам научила,
Где слово — пошелуй.
Чтоб в душу заглянуть со всею силой
Сердца сливай, целуй!*

Таково одно из двух стихотворных посланий, адресованных Гегелем своей милой. Вскоре ему пришлось перейти к прозе. Сообщая Нитхаммеру о своей радости, Гегель не преминул напомнить и о другом своем заветном желании: «Мое счастье частично зависит от того, получу ли я место в университете». Родители Марии отнеслись к предложению Гегеля весьма сдержанно. Кроме старшей дочери, у них было семеро детей, и о большом приданом речь идти не могла. Оклад Гегеля был невелик, и получал он его нерегулярно, иногда с запозданием на несколько месяцев; в городе знали, что ректор гимназии занимает деньги. Поэтому господин и госпожа фон Тухер противились не только свадьбе, но даже помолвке; они хотели видеть жениха своей дочери хотя бы университетским профессором.

Однако хитроумный Нитхаммер нашелся и здесь. В письме Гегелю, рассчитанном на то, что его прочтет все семейство фон Тухер, он расписывал важность и значение ректорской должности. Что касается приглашения Гегеля в Эрлангенский университет, то это дело решенное. А с женьтибой надо поспешить: в качестве государственного чиновника Гегель должен иметь разрешение на брак от его величества короля Баварии; ректору такое разрешение выдают скорее, чем профессору Эрлангена. Причина проста: при решении подобных вопросов учитывают лишь пенсионный фонд для вдов; университет в Эрлангене только создается, и проблема пенсионного обеспечения будет решена там не в первую очередь, а посему могут возникнуть трудности с получением высочайшей санкции на бракосочетание.

Письмо возымело действие. По крайней мере на мать. Правда, аргумент относительно пенсионного обеспечения возможной вдовы Гегелю не понравился, он им почти не пользовался. Но остальные слова Нитхаммера звучали убедительно. И хотя отец все еще упирался, он представил Гегеля деду Марии, а это уже означало огласку. В Нюрнберге, острил философ, ничто не совершается сразу; если хотят ку-

* Перевод Н. Димчевского.

пить лошадь, то для начала приобретают пакет конского волоса, а затем уже остальные части животного. Еще до официальной помолвки на ректора Гегеля и Марию фон Тухер в городе стали смотреть как на жениха и невесту.

Нареченные строили планы на будущее. Главное место в их мечтах занимала, разумеется, университетская кафедра. «Мы так много говорили об Эрлангене, что наш союз и Эрланген в воображении слились воедино, как муж и жена», — признавался Гегель Нитхаммеру. Философ относился к предпринимаемому шагу с чувством огромной ответственности и не скрывал от будущей жены своих взглядов на брак как на союз прежде всего религиозный. «Любовь для своей полноты нуждается в чем-то более высоком, чем рассмотрение в себе и для себя. То, что составляет удовлетворение и счастье, дает только религия и чувство долга, ибо лишь в них отступают в сторону все особенности брэнной личности, которые могут быть только помехой действительности, остающейся несовершенной и незавершенной, но в которой должно лежать то, что называют земным счастьем»⁵. Мария благоговела перед своим женихом, его умом, знаниями, жизненным опытом.

К середине лета все внутрисемейные препятствия к браку были устранены. Гегель подает прошение на высочайшее имя и через две недели получает ответ: «Именем его величества короля Баварии по высочайшему повелению от 8 августа сего года ректору и профессору Гегелю дается разрешение на совершение обручения с Марией Еленой Сузанной фон Тухер согласно его прошению от 1-го сего месяца. Королевский комиссар города Нюрнберга Кракер». Но Гегель уже не рад быстрому исходу дела: пять месяцев он не получал жалованья, и у него нет денег на свадьбу. Он просит начальство хотя бы сообщить ему твердый срок, когда произойдет выплата, с тем чтобы он мог взять в долг необходимую сумму. (Только в апреле 1813 года ректор наконец получил свое не выплачивавшееся два года жалованье и расплатился с долгами, сделанными перед женьбой.)

Бракосочетание состоялось 16 сентября 1811 года. Философ был счастлив. «Я достиг своей земной цели, — писал он своему другу, — служба и любимая жена — это все, что нужно на этом свете»⁶. Потекли будни супружества, полные житейских радостей и горестей. Первый ребенок — девочка — умер вскоре после появления на свет. Затем родился сын Карл, наконец Иммануил, названный так в честь Нитхаммера.

В доме царил дух солидности и умеренности. Гегель лично руководил домашним хозяйством. Его никогда не раздражала необходимость отвлекаться по пустякам. В расходах он не был ни скуп, ни легкомыслен. Если жена не болела, то обходилась одной служанкой; лакея в доме (даже в годы благополучия и славы) не было. По швабскому обычаю Гегель вел домашний календарь, где записывал все свои расходы. Вот как это выглядело:

«Сентябрь...

5. Отрез льна 35 аршин — 25 фл. 30 кр[ейцеров]. 4 дюжины винтов по 10 и 18 кр. = 58 кр.

6. 1 пара перчаток — 1 фл. 24 кр.

23 аршина черной материи на кресла и софу — 18 фл. 24 кр.

7. Дополнительно на домашние расходы — 49 кр.

И снова — 5 фл. В том числе кофе — 36 кр. Сахар — 32 кр. Дрова 1½ сажени по 4 фл. 15 кр. — 6 фл. 22½ кр.

9. Бумага — 30 кр.

Чаевые в Херольтсберге — 48 кр.

10. Поездка в Грюндлах — 1 фл. 45 кр.

Чаевые кучеру — 30 кр.

12. 6 бутылок белого вина — 3 фл. 12 кр.

13. Еще 5 аршин материи на чехол для софы — 4 фл.

15. Чаевые прислуге — 12 фл. 30 кр.

16. Чаевые лакею — 1 фл. 36 кр.

17. Дополнительно на домашние расходы — 8 фл. 19 кр.».

Проведенная под этим жирная черта означает конец хостяцкому хозяйству. И далее:

«18. Моей д[орогой] жене первые деньги на домашние расходы — 6 фл. Оплата объявлений о свадьбе в газете — 41 кр.

Парикмахеру за 16.9 — 1 фл. 36 кр. Объявление в “Нюрнбергской газете” — 24 кр.

19. Чаевые у Меркеля — 1 фл. 21 кр.

20. 6 бутылок вина — 3 фл.».

В конце месяца подводился итог и результат сверялся с оставшейся наличностью. О Гегеле, пишет Розенкранц, можно сказать: «Он был столь гениален, что мог позволить себе быть и филистером»⁷.

Семья и хозяйство не отвлекали Гегеля от его призвания. Он по-прежнему все свои силы отдает философии. Не пройдет и полугодя после свадьбы, как он с гордостью скажет о себе: «Нелегко в первый семестр брачной жизни написать книгу в тридцать листов сложнейшего содержания». В 1812 году двумя выпусками свет увидел первый том «Науки логики»⁸.

Вопрос о реформе логики был поставлен еще Кантом. Начиная с первых своих работ, Кант постепенно приходит к выводу о том, что процесс получения нового знания не может быть теоретически изображен в понятиях формальной логики. Идея создания новой, содержательной логики все больше овладевает им. Первой попыткой ее создания была трансцендентальная логика «Критики чистого разума». Эта логика, по мысли Канта, не абстрагируется от всякого содержания познания, более того, она должна исследовать происхождение наших знаний о предметах, если только оно не может быть приписано предметам. Речь, следовательно, идет об исследовании форм мышления, применяемых для анализа чувственных данных; эти формы содержательны, но содержание их не выведено из внешнего мира, а внутренне присуще человеческому рассудку. Мы не будем воспроизводить здесь таблицу чистых рассудочных понятий, или, как Кант называет их по примеру Аристотеля, категорий, отметим лишь, что среди них мы встречаемся с такими, как количество и качество, причина и действие, необходимость и случайность, которые займут важнейшее место в гегелевской системе категорий диалектики.

Фихте вслед за Кантом различал два вида логики — обычную, формальную, и трансцендентальную. Вторая исследует содержание и происхождение знания. Трансцендентальная логика Фихте (в отличие от кантовской) указывала на абсолютную основу вещей. Чтобы показать, как из первоначальной основы возникает все многообразие знания, философ выдвинул идею понятийного конструирования. Ограничивая пространство, я конструирую геометрическую фигуру; ограничивая деятельность, я могу конструировать понятие права, добродетели и т. д.

Шеллинг, развивая идею Фихте, поставил вопрос о конструкции как необходимой связи между понятиями. Каждое понятие занимает в системе понятий свое место, для которого оно только и предназначено и которое определяет его значение и границы применения. У Гегеля все это получило фундаментальную разработку, о которой ни Фихте, ни Шеллинг не смели и помышлять.

По мысли Гегеля, система категорий, построенная по принципу субординации, соподчинения понятий, есть форма истины. Простой механический набор понятий не передает всей сложности реальных отношений, их взаимозависимости и взаимопереходов. Задача философии —

обнаружить эту реально существующую систему отношений, лежащую в основе как бытия, так и тождественного с ним сознания.

Система категорий дает возможность понять не только мир как целое, но и каждое его наиболее общее отношение, выражаемое той или иной категорией. Поскольку категории выражают связи предельной общности, они не могут быть определены через род и видовое отличие. Их можно осмыслить только в сопоставлении друг с другом, то есть в определенной системе, каждое звено которой связано с предыдущим и последующим. Подобная система позволяет охватить единым взором и всю действительность, и отдельное ее существенное отношение.

Здесь уместна следующая аналогия. Представим себе картину великого художника, разрезанную на куски. Каждый ее фрагмент, взятый в отдельности, говорит о мастерстве автора и заставляет подозревать грандиозность целого, но полностью все это можно почувствовать в том случае, если все разрозненные части картины будут сложены в определенном порядке. Только тогда мы поймем в полной мере и весь шедевр, и каждую его деталь.

Конечно, Гегель был далек от мысли, что система философских категорий может передать все богатство реальной действительности, эта система отражает лишь самые основные, самые общие связи развивающейся действительности. Философия изучает не мир в целом, а мир как целое.

Анатоль Франс однажды остроумно заметил, что философская теория мироздания столь похожа на мироздание, как глобус, на котором нанесены одни только долготы и широты, был бы похож на Землю. Франс хотел высмеять идею философской системы, а между тем он правильно схватил ее суть: она дает человеку ориентиры столь же реальные, как параллели и меридианы, которые, хотя и не проведены на Земле, тем не менее являются не просто выдумкой и помогают человеку осваивать мир.

Гегель не только высказал общую идею о субординации категорий, но он правильно указал на общий ее принцип — движение мысли от абстрактного к конкретному, то есть от одностороннего к многостороннему, от пустоты к полноте содержания. Тем самым изложение приобрело строгую последовательность. Гегель иронизировал по поводу учебников логики, в которых можно произвольно переставлять разделы. Переход в них осуществляется часто словесно; пишут: «Вторая глава, или: теперь мы переходим к суждениям». В диалектической логике последующее должно

с необходимостью вытекать из предыдущего: «Понятие ведет само себя дальше»⁹.

С точки зрения марксизма, ошибка Гегеля состояла в том, что движение мысли от абстрактного к конкретному он принял за реальный путь рождения и развития предметов действительности. Логическое и историческое у него полностью совпадают. К тому же примат принадлежит логике: история есть лишь предметное воплощение логического саморазвития идеи.

Важные для марксизма коррективы внес Маркс. Он дает ответ на вопрос о связи между движением категорий и реальным путем истории. В реальной истории нет начала, движение идет здесь не от абстрактного к конкретному, а от одной конкретности к другой. Здесь мы сталкиваемся с иной последовательностью категорий (реальных отношений), чем в движении понятий, раскрывающих структуру развитого, созревшего объекта. Отношения, которые играли важную роль при возникновении явления, затем могут превратиться в побочные формы его существования. Исторически предшествующее становится логически последующим. А если логику сопоставить с историей познания предмета? Здесь тоже нет прямого совпадения, есть лишь общая тенденция усложнения знания, стремление к полноте и конкретности. Но история познания никогда не начинается с абстракций. Начало всегда конкретно. Это либо конкретное чувственное представление, либо конкретная совокупность понятий. Абстракции вырабатываются в ходе развития науки на весьма высокой его ступени. Построив систему по принципу перехода от абстрактного к конкретному, мы не отражаем реальной истории — ни предмета, ни знания о нем, хотя решаем при этом важную методологическую и коммуникативную задачу.

Вместе с тем Маркс был убежден в плодотворности, более того, в единственной правильности метода восхождения от абстрактного к конкретному для теоретического познания развивающегося целого. Этот метод он применил при создании «Капитала» — произведения, посвященного анализу развития экономики капиталистического общества как единого целого. Отсюда нам станет понятным категорическое утверждение В. И. Ленина: «Нельзя вполне понять “Капитала” Маркса и особенно его I главы, не проштудировав и не поняв *всей* Логики Гегеля»¹⁰. Сам Ленин старательнейшим образом «штудировал» Гегеля. Основное содержание ленинских «Философских тетрадей», откуда мы заимствовали цитату, образует конспект «Науки логики» Гегеля¹¹.

Над «Наукой логики» Гегель работал восемь лет (1808—1816) в Нюрнберге¹². Он начинает свою логику с учения о *чистом бытии* (*das Sein*). Это самая пустая абстракция, совершенно лишенная определений и потому равная своей противоположности, то есть *ничто* (*das Nichts*). Речь, разумеется, идет не о том, что наличие предметов равно его отсутствию, утверждать подобное бессмысленно; Гегель рассматривает не определенное бытие того или иного предмета, а бытие вообще, мысль о котором настолько бессодержательна, что совпадает с мыслью о небытии. Бытие и ничто сливаются воедино. В своем тождестве они образуют третье понятие — *становление* (*das Werden*). Становление — это уже первая конкретная, то есть наполненная содержанием, категория: все предметы находятся в процессе непрерывного изменения, перехода в другое состояние, то есть становления. Мир живет, он вечно пребывает в состоянии «*абсолютного беспокойства становления*» — созидания или разрушения. Покой — это смерть.

Уже в этих трех первых понятиях гегелевской логики видна характерная особенность ее построения — принцип троичности, или триады: тезис — антитезис — синтез. Выдвигается некоторое положение, затем происходит его отрицание и далее отрицание отрицания. Вся система Гегеля распадается на три части: логика, философия природы, философия духа. Логика состоит из трех разделов: учение о бытии, учение о сущности, учение о понятии. Каждый из этих разделов в свою очередь имеет трехчленную структуру. Эта структура носит сугубо искусственный характер, поэтому мы не всегда будем фиксировать на ней внимание читателя.

Гораздо важнее другое: характер *отрицания* (*die Negation*). Гегелевское отрицание означает не уничтожение предмета, а его развитие. Уничтожить зерно можно различными способами: сжечь, сгноить, размолоть; диалектическое отрицание зерна осуществляется лишь одним путем: когда созданы условия для его прорастания и превращения в стебель. Для характеристики отрицания Гегель употребляет также термин «*снятие*» (*aufheben*), что означает упразднение и одновременно сохранение. В становлении бытие и ничто находятся в снятом виде.

Результат становления — ставшее, Гегель называет его *наличным бытием* (*das Dasein*). Это уже бытие, присущее реальным предметам. Отличие одного предмета от другого зафиксировано в понятии *качества*. Качество есть определенность, тождественная с бытием; если исчезает данное качество, нечто становится другим. Подобное превращение

происходит повсеместно. Выходя за пределы нечто, мы получаем другое, но это другое также является конечным, за его пределами лежит новое другое, и так без конца. Подобную бесконечность Гегель называет *дурной бесконечностью* (*die schlechte Unendlichkeit*). Здесь конечное и бесконечное не связаны друг с другом. *Истинная бесконечность* содержит в себе некую замкнутость, завершенность. Для этого нужно, чтобы исчезло отношение нечто к другому, осталось бы лишь отношение к себе. И Гегель конструирует еще один вариант бытия — *для-себя-бытие* (*fur-sich-Sein*) — законченное и в то же время бесконечное бытие. Эта категория ему нужна для завершения анализа качества и перехода к новой категории — *количеству*.

Количество — это определенность, безразличная для бытия; количественные изменения не устраняют бытия предмета. Дом остается тем, что он есть, будет ли он больше или меньше, и красное остается красным, будет ли оно темнее или светлее. Но только до известного предела, за которым наступает качественное изменение. Для примера Гегель приводит древний софизм «лысый». Если выдернуть один волос из головы, станет ли человек лысым? Разумеется, нет. Но если продолжать выдергивать из головы по волосу, то рано или поздно наступит момент, когда появится лысина. Изменение чисто количественное переходит в качественное.

Единство количества и качества есть *мера*. Этой категорией обозначены количественные границы, в пределах которых предмет остается самим собой. Нарушение меры приводит к появлению нового качества, которое возникает путем перерыва постепенности, скачкообразно. Всякое рождение и всякая смерть представляют собой скачок из количественного изменения в качественное. Гегель решительно отвергает представления о том, что возникающее качество еще до своего возникновения уже наличествует и лишь вследствие своей малости не может быть воспринято. Этот взгляд, всюду усматривающий лишь постепенность, «имеет скуку, свойственную тавтологии». Подлинное развитие идет лишь через появление новых качеств; это всеобщий принцип. И в моральной области, поскольку моральное рассматривается в сфере бытия, имеет место такой же переход количественного в качественное; различные качества оказываются основанными на разности величин. Достаточно какого-то «больше» и «меньше», и мера легкомыслия оказывается превзойденной, и получается нечто совсем иное, а именно — преступление, посредством чего право переходит в несправедливость, добродетель в порок.

Цепь скачкообразных качественных изменений образует «узловую линию отношений меры». Таковы, например, изменения агрегатных состояний вещества — превращение твердого тела в жидкость и далее при повышении температуры — в газ. Вместе с тем все эти изменения происходят с одним и тем же веществом, химический состав которого не меняется. Так встает вопрос о носителе изменений, о некоем субстрате, лежащем в основе преходящего бытия. «Бытие переходит в *сущность (das Wesen)*»¹³.

Учение о сущности — главная часть гегелевской логики. Бытие образует внешний слой действительности, ее поверхность, то, что непосредственно дано в восприятии; на уровне бытия мир дискретен, то есть состоит из хотя и связанных между собой, но все же отдельных предметов. Сущность — это внутренний мир, глубинные связи, лежащие в основе бытия. В разделе бытия понятия переходят друг в друга, здесь они слиты друг с другом и лишь «светятся», рефлексированы, то есть отражены в другом. Там нечто становится другим, здесь нечто есть другое.

Сущность Гегель рассматривает трояким образом: 1) как отраженную в себе самой, 2) как проецированную на бытие, то есть как явление, 3) как единство первого и второго, то есть как действительность. Мысль, пытающаяся непосредственно прорваться к сущности, наталкивается сначала на *видимость* (кажимость). Бытие предстает как иллюзия. Карандаш, опущенный в воду, кажется сломанным; мы видим, как Солнце движется по небосводу. На самом деле это не так; преломление света в воде и наша позиция по отношению к Солнцу являются причиной того, что первое впечатление об этих явлениях ошибочное. Наличие видимости — почва, на которой вырастает скептицизм. С точки зрения скептика человек имеет дело только с видимостью; вещи сами по себе, их сущность познанию недоступны. Другая крайность — отрицание реального характера видимости, рассмотрение ее в качестве фантома, мнимой величины. На самом деле видимость столь же реальна, как и сущность, хотя и включает в себя «момент неимения наличного бытия». Видимость нас обманывает, но обманщик не выдуман нами.

Дальнейшее движение мысли Гегеля связано с игрой слов: видимость по-немецки «*Schein*», это же слово означает «свечение». Свет, ушедший в себя, свечение внутрь — рефлексия. Анализ рефлексирующей сущности Гегель начинает с понятия тождества. Абстрактному тождеству он противопоставляет тождество конкретное, включающее в себя

момент *различия*. В реальной действительности ни один предмет не совпадает с другим и даже с самим собой. Нельзя дважды войти в одну и ту же реку, говорил еще Гераклит.

Различие, доведенное до предела, есть *противоположность*. Белое и серое различны, белое и черное противоположны. Единство противоположностей образует *противоречие* (*der Widerspruch*). Противоречие — центральная категория и логики, и вообще всей философии Гегеля. Противоречие, говорил он, движет миром. Все, что развивается, противоречиво. «Нечто жизненно, лишь поскольку оно содержит в себе противоречие, и притом есть именно та сила, которая в состоянии вмещать в себе и выдерживать это противоречие. Если же нечто существующее... не способно иметь в самом себе противоречие, то это нечто не есть живое единство, не есть основание и в противоречии идет к гибели»¹⁴.

В противоречии вещи либо гибнут, либо «уходят в основание». И то и другое по-немецки звучит одинаково: «zu Grunde gehen». Игра слов и здесь служит Гегелю «формулой перехода» к следующей проблеме.

В главе, посвященной *основанию* (*der Grund*), наше внимание в первую очередь привлекает анализ категорий *формы* и *содержания*. Надо сказать, что в «Науке логики» этой проблеме отведено сравнительно немного места. Развернутое ее рассмотрение содержится в соответствующем разделе «Малой логики» (так называют иногда первую часть «Энциклопедии философских наук»). Гегель отмечает неразрывную связь содержания и формы: нет бесформенного содержания, как не существует бессодержательной формы. Вместе с тем форма имеет двойственное отношение к содержанию. Внешняя форма равнодушна к содержанию; для содержания книги, например, безразлично, написана она от руки или напечатана, переплетена в картон или в сафьян. Но есть другая форма, неразрывно слитая с содержанием и в этом смысле тождественная ему. «Для художника служит плохим оправданием, если говорят, что по своему содержанию его произведения хороши (или даже превосходны), но им недостает надлежащей формы. Только те произведения искусства, в которых содержание и форма тождественны, представляют собой истинные произведения искусства. Можно сказать об «Илиаде», что ее содержанием является Троянская война или, еще определеннее, гнев Ахилла; это дает нам все и одновременно еще очень мало, ибо то, что делает «Илиаду» «Илиадой» есть та поэтическая форма, в которой выражено содержание»¹⁵.

Заключительная часть главы об основании — *условие*.

Если, пишет Гегель, налицо все условия некоторой вещи, она вступает в *существование*. Последнее отличается от бытия своей опосредованностью. Существование — это бытие, которое обрело основание. Как бы поясняя эти дефиниции в одном из своих нюрнбергских писем в дни денежных трудностей, Гегель писал: «Я еще есмь, но больше не существую»¹⁶.

В категории существования мысль, погружившаяся было в результате рефлексии в глубины реальности, в ее сущность, теперь снова вырывается на поверхность. Сущность в своем существовании есть *явление*. Это значит, что сущность не может быть в «чистом виде», сама по себе, она наличествует только в явлениях объективного мира. Но последние, в свою очередь, не существуют сами по себе, они всегда служат выражением определенной сущности. Сущность является, а явление существенно. Сущность глубже, но явление богаче. Сущность человека, например, составляет совокупность общественных отношений (мысль, разумеется, не Гегеля, ее выскажет Маркс). Но ни один человек не есть просто одна эта «совокупность», человек гораздо многообразнее и богаче своей сущности.

Повторяющееся, тождественное в явлениях образует *закон*. Как и сущность, закон не потусторонен явлению, но непосредственно ему присущ. Царство законов есть спокойное отображение являющегося мира.

Единство сущности и явления составляет *действительность*. От непосредственного существования действительность отличается следующими двумя признаками, которые делают ее более конкретной, более содержательной категорией; действительность включает в себя 1) *возможность*, 2) *необходимость*.

Действительность — это не только осуществленная возможность, но и реальные возможности дальнейшего развития, которые открываются перед тем, что существует сегодня. Реальную возможность следует отличать от возможности абстрактной. Если рассуждать абстрактно, пишет Гегель, то возможно, что сегодня вечером Луна упадет на Землю, ибо Луна есть тело, отдаленное от Земли, и может поэтому так же упасть вниз, как и камень, брошенный в воздух; возможно, что турецкий султан сделается папой, ибо он человек и может как таковой принять христианскую веру, сделаться католическим священником и т. д. Разбирая эти два гегелевских примера, мы должны сказать, что вторая возможность реальнее первой. Строгой границы, отделяющей один вид возможности от другого, не существует. Любая абстрактная

возможность при изменившихся условиях может стать возможностью реальной, то есть войти в действительность, а затем и осуществиться.

То, что реально возможно, по Гегелю, необходимо. Следовательно, необходимость — компонент действительности. Действительно только то, что неотвратно, вызвано существенными, закономерными факторами. Но, как и сущность, необходимость не предстает перед нами непосредственно, она всегда облечена в форму своей противоположности — *случайности*. Случайное есть нечто такое, что может быть, а может не быть, может быть таким, а также другим, чье бытие или небытие имеет основание не в нем самом, а в другом. Задачи науки и в особенности философии состоят в том, чтобы познать необходимость, скрытую под видимостью случайности.

Учение о сущности завершается анализом причинности. *Причина* порождает равное себе *действие*. В этом смысле причинное отношение тавтологично и непосредственно. Гегель против отыскания отдаленных причин. Если человек попал в обстоятельства, при которых развился его талант, вследствие того, что он потерял своего отца, убитого в сражении, то роковой выстрел не есть причина мастерства этого человека. Это лишь некоторый отдельный момент в обстоятельствах, сделавших возможным результат. По Гегелю, причина не представляет собой всей совокупности факторов, определивших возникновение данного явления; причина лишь то, что ему предшествует и генетически с ним связано. Причинная связь — момент универсальной зависимости явлений, искусственно выделенный и неполно ее выражающий.

Отношение причинности расширяется, если переходят к понятию *взаимодействия*, в действии видят не просто пассивный результат, но активное начало, влияющее, в свою очередь, на причину. Взаимодействуя, причина и действие как бы постоянно меняются местами.

Но и взаимодействие не исчерпывает всех определяющих факторов. Гегель пояснял свою мысль следующим примером из древней истории: «Если мы будем считать нравы спартанского народа действием его общественного строя и, наоборот, общественный строй действием нравов, то мы будем, может быть, иметь правильный взгляд на историю этого народа, но это понимание не даст все же никакого окончательного удовлетворения, потому что мы с помощью такого объяснения не поймем ни общественного строя, ни нравов этого народа. Понять это можно будет только тогда,

когда мы постигнем, что обе стороны отношения, как и все прочие особые стороны, которые вошли в жизнь и в историю спартанского народа, вытекали из того понятия, которое лежало в основе их всех»¹⁷. В основе взаимодействия для идеалиста Гегеля лежит «понятие» как духовная основа, определяющая течение любого процесса. Так совершается переход к третьему разделу «Науки логики» — учению о *понятии*.

Две первые части своего труда (учение о бытии и учение о сущности) Гегель называет объективной логикой, третью — субъективной логикой. Но это противопоставление условно: объект и субъект для Гегеля тождественны. Поэтому и объективная и субъективная логика являются в равной мере логикой и самих вещей, и познающего их мышления.

В своей объективной логике Гегель почти не имел предшественников, но субъективная логика начинается с рассмотрения вопросов, которые составляют традиционное содержание учебников формальной логики: *понятие, суждение, умозаключение*. Свою задачу Гегель здесь видит в том, чтобы накопленный веками, но окостеневший материал «привести в текучее состояние», снова «разжечь в нем огонь жизни». Он стремится установить познавательную ценность различного типа суждений, построить классификацию в соответствии с реальным развитием познания, увидеть в фигурах силлогизма обычные отношения вещей. Но в целом гегелевская критика формальной логики малоубедительна; его собственные построения искусственны и туманны. Именно эти страницы «Науки логики» Ленин назвал лучшим средством для получения головной боли.

А у Б. Брехта, большого почитателя Гегеля, в пьесе «Разговоры беженцев» можно встретить куда более неожиданную характеристику «Науки логики»: «Это одно из величайших произведений мировой юмористической литературы. Речь идет там об образе жизни понятий, об этих двусмысленных, неустойчивых, безответственных существах; они вечно друг с другом бранятся, всегда на ножах, а вечером как ни в чем не бывало садятся ужинать за один стол. Они выступают, так сказать, парами, сообщая, каждый женат на своей противоположности... Иронию, скрытую в каждой вещи, он и называет диалектикой. Как все великие юмористы, он произносит это с убийственным видом»¹⁸.

Гегелевская логика завершается анализом *идеи* (истины). Об истине Гегель всегда говорил проникновенно, но особенно пафоса он достигает в «Малой логике». «Истина есть ве-

ликое слово и еще более великий предмет. Если дух и душа человека еще здоровы, то у него при звуках этого слова должна выше вздыматься грудь»¹⁹. Философ безжалостно бичевал все виды отречения от истины или пренебрежения ею. Как могу я, жалкий червь, познать истину, рассуждает иной скромник. Грош цена такому смирению! Еще хуже, когда оно возводится в триумф духа. Первоначально неверие в силы разума сопровождалось печалью и скорбью, затем нравственное и религиозное легкомыслие, к которому присоединилось поверхностное теоретизирование, открыто и спокойно признало бессилие знания и даже возгордилось им. А так называемая критическая философия дала этому неведению возможность придерживаться своей позиции с чистой совестью, ибо она уверяет, будто ей удалось доказать, что мы ничего не можем знать относительно вечного и божественного. Ничего не может быть желаннее для поверхностных умов и характеров, как это учение о незнании, благодаря которому их собственная поверхностность и пустота оказались чем-то превосходным, конечной целью всех интеллектуальных усилий.

Однако не менее опасна и, пожалуй, сегодня чаще встречается противоположная критичность — самонадеянная вера в то, что истина уже достигнута. Люди воображают, что они обладают истиной в силу своего положения и чуть ли не от рождения. Усвоив набор плоских банальностей, они полагают, что проникли в тайны мировой мудрости. Здесь от познания истины удерживает не скромность, а самоуверенность.

Существует и другая форма важничанья по отношению к истине — пренебрежение человека, который во всем изверился и ко всему потерял интерес. Что есть истина? Когда-то в этот вопрос, издевательски обращенный к Иисусу Христу, римский проконсул Понтий Пилат вложил свое презрение к знанию и добру. Вопрос Пилата имел тот же смысл, что и слова царя Соломона: все суета.

Познанию истины мешает также робость. Ленивому уму легко приходит мысль о том, что не следует слишком серьезно относиться к философствованию. Такие люди думают, что если выйти за пределы обычного круга представлений, то это не приведет к добру: волны мысли будут бросать тебя из стороны в сторону и все равно выбросят на мель будничных интересов. Чтобы быть рутинным чиновником, не нужно ни большого ума, ни больших знаний. Иное дело — поставить перед собой великую цель и стремиться к ее осуществлению. Хочется верить, что в умах молодого поколе-

ния зародилось стремление к чему-то возвышенному, и оно не может удовлетвориться мякиной чисто внешнего знания.

Истина есть совпадение понятия и объективности. Абстрактной истины нет, истина всегда конкретна. Частные науки показывают действительность лишь с какой-то одной стороны, абстрактно, отвлекаясь от ее многообразия, поэтому они не содержат истины. Истина — предмет философии, где знание обретает свою многосторонность, конкретность. Причем это уже не конкретность чувственно воспринимаемого единичного предмета, а иная, логическая конкретность, которая достигается за счет того, что понятия берутся не обособленно друг от друга, а в их взаимных противоречивых связях и переходах, в системе. Мир представляет собой развивающееся органическое целое, истинное знание о нем — система категорий диалектики.

Но этого мало. Истина представляет собой не только соответствие понятия предмету, но и предмета своему понятию. Рассматривая предмет, мы должны определить, совпадает ли он со своим понятием, содержит ли он в себе истину или нет. Подобное глубокое понимание истины встречается отчасти и в обычном словоупотреблении: мы говорим, например, об истинном друге и понимаем под этим человека, поведение которого соответствует понятию дружбы. Неистинное в этом случае означает дурное, не соответствующее самому себе, противоречие между существованием предмета и его понятием. О дурном предмете мы можем иметь правильное представление, но содержание этого представления неистинно внутри себя. Философ обязан проводить различие между правильным и истинным. Истина предметна, ее нужно не только узнать, но и осуществить. «Чтобы узнать, что в вещах истинно, одного лишь внимания недостаточно — для этого необходима наша субъективная деятельность, преобразующая непосредственно существующее»²⁰.

И еще. Истина прокладывает себе дорогу тогда, когда пришло ее время, не раньше. Ничто великое не совершается без страсти, но никакая страсть, никакой энтузиазм не вызовут к жизни то, что еще не созрело.

Истина как идея познания предстает в двух ипостасях: теоретической и практической. Последняя выше первой, ибо она обладает не только достоинством всеобщности, но и непосредственной действительности. Единство теории и практики образует «абсолютную идею». Тем самым достигается вершина логического саморазвития духа. Страницы «Науки логики», посвященные абсолютной идее, как бы

подводят итог, содержат общую характеристику диалектического метода.

Превознося диалектику, не умаляет ли Гегель значение формальной логики? Отнюдь нет. Каждому свое. Формальное мышление имеет свою, и притом довольно обширную, сферу — это «всеобщий метод конечных наук». Более того, Гегель убежден, что и диалектическому мышлению не обойтись без твердых основ рассудочной логики, иначе диалектике грозит опасность превратиться в софистику, в игру словами. А формальная логика может с успехом решать свои задачи, не забираясь на диалектические высоты. Эта идея зафиксирована в словах Гегеля, взятых в качестве эпиграфа к данной главе.